

Токаренко Анна Алексеевна

КОНФЛИКТ И КОМПРОМИСС В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА "ДВЕ СЕСТРЫ И КАНДИНСКИЙ"

Статья посвящена анализу антиномических отношений в романе В. С. Маканина "Две сестры и Кандинский". Исследование сюжетно-композиционной структуры и образной системы произведения помогает прийти к выводу о том, что любовный конфликт и связанный с феноменом доносительства конфликт социальный подчинены изображению экзистенциальной ситуации выбора: пойти на компромисс с совестью или сохранить в себе человеческое достоинство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 194-196. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

DISCUSSION-BASED FORMS OF TEACHING AT THE LESSON OF LITERATURE

Tikhvinskaya Natal'ya Borisovna

Saint-Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education
kassiapeya@mail.ru

The article reveals the content of the concept –educational discussion”, examines discussion-based forms of teaching, modern interpretation of a dialogue. The author emphasizes the possibility for using discussion-based forms of teaching at the lesson of literature on the basis of personality-activity approach with a view to form the students’ competence in a dialogue.

Key words and phrases: dialogue; educational discussion; discussion-based forms of teaching; argument; personality-activity approach.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена анализу антиномических отношений в романе В. С. Маканина «Две сестры и Кандинский». Исследование сюжетно-композиционной структуры и образной системы произведения помогает прийти к выводу о том, что любовный конфликт и связанный с феноменом доносительства конфликт социальный подчинены изображению экзистенциальной ситуации выбора: пойти на компромисс с совестью или сохранить в себе человеческое достоинство.

Ключевые слова и фразы: В. С. Маканин; антиномия; художественный конфликт; компромисс; феномен доносительства; архетип.

Токаренко Анна АлексеевнаРоссийский университет дружбы народов
anna.tokarenko@rambler.ru**КОНФЛИКТ И КОМПРОМИСС В РОМАНЕ В. С. МАКАНИНА «ДВЕ СЕСТРЫ И КАНДИНСКИЙ»[©]**

Действие романа В. С. Маканина «Две сестры и Кандинский» (2011) переносит нас в московскую полуподвальную студию, где царит дух работ авангардизма. Ее хозяйка Ольга – искусствовед, дочь известного диссидента – пытается найти свое женское счастье: сначала с молодым политиком Артемом Константиной, потом с рок-музыкантом Максимом Квинтой. Оба раза оказываются неудачными, и оба раза младшая сестра Инна пробует идти по Олиным следам. В финале произведения сестры остаются одни и их голоса сливаются в унисон: «знаменитый трехсестринский зов» «в Москву-уу-у!» становится журавлиной песней «в Пи-и-и-и-тер» [2, с. 380].

Проблема выбора спутника жизни в романе получает нравственно-философское звучание, превращаясь в проблему выбора как таковую, а личный конфликт становится лишь фоном для изображения «грандиозного парада покаяния»: «Изо всех продуваемых щелей вдруг начнут выползать они... Шепча!.. Вышептывая из себя задним числом свою вину и свою давнюю рассудочную боль. <...> Миллионная толпа. Тыщи тыщ. Стукачи, осведомители, информаторы» [Там же, с. 5]. Исповеди трех стукачей слышит читатель на протяжении всего повествования, и, возможно, именно их и пытаются заглушить сестры своим финальным завыванием.

Сигаев Артем Константинович, более известный как Константа, – начинающий политик. Энергичный, обладающий ораторским даром, борющийся за права и свободы народа, он уже популярен: его имя у всех на устах, его лицо мелькает на экранах телевизоров. Однако на банкете, организованном Боссом – спонсором Артема – по поводу удачного выступления, случайно выясняется, что Константа написал донос о выставке авангардных художников, одним из организаторов которой являлся сам. Герой использует перифразы, называя свой текст простым объяснением, сухой информацией, но суть от этого не меняется: он сотрудничал с гэбистами, причем делал это как минимум дважды: «...я исправлял ненадежные фразы. Я подыскивал слово к слову. У меня горели щеки. Муки стукаческого творчества. Мне хотелось уточнить. Нет, не ради себя! Я чувствовал себя гуманистом, как ни смешно сейчас и как ни потешно это звучит. Настоящий человек-колюб!..» [Там же, с. 143]. Попытки оправдаться уже ничего не могут изменить: Босс не желает продолжать работу с человеком, который скомпрометировал себя заигрыванием с ГБ, и Артем уезжает в родную провинцию замаливать грехи. Ольге, «вышколенной отцом-диссидентом», омерзителен даже малый оттенок стукачества, поэтому она, несмотря на свою влюбленность в Артема, больше не может быть рядом с ним.

Профессиональным информатором можно назвать Батю – отца второго несостоявшегося жениха главной героини. Выйдя на пенсию, Батя разослал письма тем, на кого писал доносы, и честно признался, по чьей вине они получили срок: «Всех я их сдал, и все они простили. Ни один не отказался от меня по жизни – не отвернулся» [Там же, с. 334]. Осведомитель со стажем путешествует по городам и весям, навещая «друзей-сибиряков», которые, по его словам, устраивают ему теплый прием и встречают как родного. Этот покаянный

вожж длится уже шесть лет, что свидетельствует о впечатляющем масштабе профессиональной деятельности Бати. Время стерло остроту конфликта, участники которого состарились, готовы простить былые обиды и вместе со стукачом вспомнить свою молодость, Москву, общих знакомых. Один из бывших заключенных, рискуя жизнью, даже спасает Батю от волков. Кажется, доносчик сам до конца не может поверить в подобную возможность: «Я ему говорю в сотый раз, ты меня тащишь, а я тебя сдал гэбистам... А он устал, хрипит, отдыхивается... У-ух. У-ух. И говорит: —Но не волкам же!» [Там же, с. 371].

Инна тоже вспоминает, как к ее вернувшемуся из лагеря отцу пришли «дядя Кеша и дядя Петр», которые когда-то предали своего товарища: «Они как бы честно, не прячась, встретили отца» [Там же, с. 374]. Отсидевший диссидент принял их добродушно и приветливо: «Да проходите, черти!.. Я же вижу, у вас в карманах бутылки!» [Там же]. Можно было назвать это поистине евангельским сюжетом покаяния и всепрощения, если бы не частица «как бы», словно оговоркой прозвучавшая в тексте Маканина. Примечательно, что Батя тоже допускает долю условности, говоря о своем помиловании: «Я как бы прощенный» [Там же, с. 331]. Получается, что стукачи «как бы» раскаялись, а жертвы их «как бы» простили. Первые не смогут искренне осознать вину, пока называют свои доносы не предательством, а тяжелой работой, а раны вторых никогда не затянутся полностью, ведь нельзя вернуть потерянных на лесоповале рук, погибших в сибирском холоде детей, бессмысленно потраченных лет.

Слабовольный поступок Константы кажется не таким страшным, как профессиональные доносы Бати, но автор ставит «стукача-интеллектуала и стукача-работягу» [Там же, с. 352] в один ряд. «Я не старался так уж разделять тех, кто «егучал» ради идеи, да еще делал это с нашим честным выворотом, от тех, кто «трудился» за деньги. Один тип пополняется другим. Суть не в их разности. Суть в их схожести. И когда ближе к концу романа оба доносителя понимающе чокаются шампанским, можно задерживать занавес» [4], — говорит Маканин в одном из интервью.

В этом символическом эпизоде, когда едва знакомые друг с другом осведомители звенят бокалами, писатель сгущает краски, озвучивая кадр голосом еще одного информатора: «Все бывшие с-стукачи любят ч-чокаться. Я давно это заметил. <...> Стучат п-п-потихоньку» [2, с. 369]. Хлесткая фраза принадлежит самому юному доносчику — подростку-беспризорнику Коле с горящей фамилией Угрюмцев. В поисках теплого места он приходит в студию Ольги, неумело копирует картины Кандинского, тем самым, по собственному убеждению, отработывая свой хлеб. Раньше юноша получал паек в школе ГБ, организованной неким майором Семибратовым с целью воспитания профессиональных стукачей. Хотя заикающийся Коля учился там неважно и его даже звали Тройком-с-плюсом, он, как губка, впитал все уроки доносительства. Именно мальчик раскрывает тайну сотрудничества Константы с органами власти — вроде бы ненароком, «н-невольно», пытаясь похвастаться своей памятью. Однако ко всем случайностям в романе приходится относиться настороженно. Недаром Инна после истории с Артемом и Батей то ли со смехом, то ли со страхом признается подростку: «Мне вдруг мерещится — я вхожу сюда в комнату, а ты меня не видишь и говоришь... говоришь по телефону не заикаясь. Совсем не заикаясь: —Да, товарищ полковник. Так точно, товарищ полковник...» [Там же, с. 370].

Необходимо отметить, что у изображенных стукачей есть свой прообраз — доносчик Чубисов из маканинского романа «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) [1]. Этот опытный осведомитель записывал на пленку пьяные высказывания главного героя, андеграундного писателя Петровича. Остаться в памяти подполья предателем для Петровича означает отказаться от своих главных жизненных ценностей, поэтому он убивает Чубика, руководствуясь «философией удара» как реакцией на оскорбление своего «я». «Удар — это наше все!» [Там же, с. 93] — говорит главный герой своему младшему брату, талантливому художнику, залеченному врачами до сумасшествия. Молодой Венедикт Петрович оказался жертвой системы: его «сдал» следователю троечник-сокурсник, затем начались многочисленные допросы, на которых художник методично насмехался над гэбистом, за что и был отправлен на принудительное лечение. Петрович-старший горько жалеет о том, что брат в нужный момент не ответил физическим «ударом», не пресек затянувшуюся ситуацию: «Не был это бой, дуэль гения с системой — была перепалка с мелким, самолюбивым следователишкой» [Там же, с. 94-95].

В романе «Две сестры и Кандинский» образы стукачей прорисованы уже более тонко, филигранно, однако, продолжает развиваться намеченный в «Андеграунде» конфликт: согласиться на сотрудничество с органами власти или остаться свободным. Острота антиномии «удар» — «неудар» в новом романе несколько смягчается за счет того, что семантическое поле второго члена этой бинарной оппозиции расширяется благодаря контекстуальным синонимам. Батя упоминает слова сидевшего по его вине филолога Буянова о том, «что в стихах Ахматовой, известной нашей поэтессы, есть такое выражение *невстреча*» [2, с. 294]. Герой с горькой иронией замечает: «Такая вот моя с Максимом невстреча и такая вот твоя несчастье» [Там же, с. 295]. Ранее, в сцене обличения Артема Константы, автор замечает, что присутствовавший там Художник «раздосадован уходом Артема. А еще больше пораженческим его молчанием (неответом!)» [Там же, с. 132]. Получается, что герои выбирают меньшее из зол — пассивный вариант «неудара», который можно назвать компромиссом с собственной совестью.

Маканин изображает стукачей разных возрастов, социальных статусов, у каждого из которых своя причина сотрудничества с органами: слабохарактерность, подтолкнувшая пойти на уступки властям, осознание этого занятия как ремесла, обыденной работы или желание просто пойти туда, где кормят. Создается впечатление, что писатель ставит своей целью создать галерею колоритных образов стукачей, но если посмотреть на проблему «стукачества» шире, то становится понятно, что осведомители занимают лишь промежуточное, срединное положение в конфликте между властью и неугодными ей людьми. Они винтики в машине по выявлению и подавлению инакомыслия. Важную роль здесь играет созданный Маканиным образ доброго, понимающего следователя, сочувствующего неопытным стукачам и подкупающего их своим отношением.

Так, Константа делится воспоминаниями о гэбисте – маленьком «человечке», которого никак не может забыть: «Седенький. Серенький... Моль... Так вот – минута шла за минутой, а серенький смотрел, смотрел, как я правлю. И сочувствовал. Да, да, сочувствовал!.. И все приговаривал он к моей затянувшейся, творческой правке текста: хорошо... хорошо... хорошо» [Там же, с. 144]. Такому обычному, простому, страдающему человеку хочется открыться, довериться, рассказать о самом сокровенном, втягивая в свою исповедь судьбы других людей. Позже Маканин назовет это притаенное доверие к власти «историческим проклятием» России: «Да, стукачи неинтересны, но показательно само их становление: этот достаточно тонкий самообман человека, который думает, что на какой-то честной, незапаханной глубине власть его поймет» [3, с. 139].

На вопрос, не является ли доноительство нашей национальной потребностью, писатель отвечает отрицательно и говорит о стукаче как о мировом архетипе: «В человеке нет прямой ответственности за весь свой народ, но есть прямая ответственность за самого себя. Власть как власть. Она всегда будет предлагать сотрудничество, иногда за деньги, однако принять его или не принимать – твой выбор» [4]. Таким образом, социальный конфликт в романе превращается в конфликт экзистенциальный, предполагающий ситуацию выбора: пойти – из алчности, корысти или из страха – на компромисс, сделку с совестью или сохранить в себе человеческое достоинство. Сцены из жизни 90-х и ретардации в советское прошлое – лишь фон для раскрытия этого вечного конфликта, а стукачи, по словам самого Маканина, – «только антураж рассказа о том, как люди глядятся в зеркало» [Там же].

Список литературы

1. **Маканин В.** Андеграунд, или Герой нашего времени: новое дополненное издание. М.: Гелеос, 2008. 608 с.
2. **Маканин В. С.** Две сестры и Кандинский. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
3. **Маканин В.** С точки зрения времени... / беседа вели М. Переяслова, Е. Погорелая // Вопросы литературы. 2013. № 1. С. 136-150.
4. **Новоселова Е.** Зеркало для антигероя [Электронный ресурс] // Российская газета. 2011. 19 октября. URL: <http://www.rg.ru/printable/2011/10/19/makanin.html> (дата обращения: 27.05.2014).

CONFLICT AND COMPROMISE IN NOVEL “TWO SISTERS AND KANDINSKII” BY V. S. MAKANIN

Tokarenko Anna Alekseevna
Peoples' Friendship University of Russia
anna.tokarenko@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the antinomy relations in the novel “Two Sisters and Kandinskii” by V. S. Makanin. The study of plot-compositional structure and the image system of the work helps to conclude that the conflict of love and the social conflict associated with the phenomenon of whistleblowing are submitted to the image of the existential situation of choice: to compromise with one's conscience or to preserve one's dignity.

Key words and phrases: V. S. Makanin; antinomy; artistic conflict; compromise; phenomenon of whistleblowing; archetype.

УДК 81' 373 + 81'282.2

Филологические науки

Расширение базы данных о живой речи необходимо для исследования моно- и полиязычных континуумов. Полевой метод анализа лексических единств позволяет уточнить процессы регионализации языка, определяющие специфику общения диалектоносителей. Выделенные в их лексиконе ядерные и периферийные элементы с учетом специализированности, регулярности и частотности словоупотребления дают возможность показать тенденции внутриязыкового и межъязыкового взаимодействия в естественной речевой среде.

Ключевые слова и фразы: язык региона; устная разговорная речь; лексикон диалектоносителей; полевой метод; ядро; периферия.

Тупикова Наталия Алексеевна, д. филол. н., профессор
Волгоградский государственный университет
tupikova195@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПОЛЕВОГО ОПИСАНИЯ ЛЕКСИКИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ[©]

Исследование осуществляется при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-00284).

Внутриструктурные законы языка менее всего изучены в организации лексикона как совокупности единиц словаря. Активизация в последние десятилетия исследований отдельных моно- и полиязычных